

О методологических аспектах определения «креативного класса» на основе содержания труда*

Аннотация. В статье критикуется подход Р. Флориды и других исследователей, согласно которым творческий труд определяется на основе формальных классификаторов профессий, без учета изменений в содержании труда, а главное — его социально-экономической формы, роли в экономике и социуме. Автор показывает, что отождествлять с ремеслом, «крафтом», «первой волной» (по Э. Тоффлеру) креативный труд нельзя. Такой способ определения является тупиковым. Выявлено и показано на примере труда кассира важное противоречие между совершенствованием процесса производства в целом одновременно с примитивизацией труда: нельзя утверждать, что содержание труда трансформировалось таким образом, что труд однозначно стал более квалифицированным. Напротив, в сфере услуг труд во многом сильно примитивизировался, особенно в связи с передачей многих сложных функций от работников компьютерам и информационным сетям.

Ключевые слова: труд, творчество, творческая деятельность, ремесло, «первая волна», «третья волна».

Abstract. The article criticizes the approach of R. Florida and other researchers, according to whom creative work is determined on the basis of formal classifiers of professions, without taking into consideration changes in the labor content, and most importantly, in its socio-economic form, role in economy and society. The author shows that it is impossible to identify creative work with craft, «the First wave» (according to E. Toffler). This method of determination leads to nowhere. An important contradiction between the improvement of the production process as a whole and the primitivization of labor was identified and shown on the example of the cashier's work: it cannot be argued that the content of labor was transformed in such a way that labor unambiguously became more qualified. On the contrary, in the service sector, labor has been highly primitivized, especially with regard to the transfer of many complex functions from workers to computers and information networks.

Keywords: labor, creativity, creative activities, craft, «the First wave», «the Third wave».

УДК 330.110.4

ББК 65.011

В последнее время наблюдается не критическое отношение у многих экономистов и особенно у многих политиков к изменениям в содержании труда, которые трактуются обычно как позитивные, а формирование «креативного класса» — чуть ли не как вершина эволюции труда со времен неолитической революции, если не раньше. Однако, если более детально сравнивать содержание труда в разные эпохи, можно обнаружить серьезные противоречия и неоднозначность вектора развития содержания труда.

Работы Д. Белла [1], Э. Тоффлера [4] и других исследователей, относящихся к «постиндустриальному» направлению социологической и экономической мысли, утверждали, что переход от индустриального, конвейерного характера труда к некому новому качеству (которое так и не было четко определено; хотя Белл и опирался на довольно четкую классификацию, выделявшую сферу услуг как постиндустриальную сферу, тот же Тоффлер позднее отказался даже от концепции «супериндустриального» общества, предложив концепцию общества «третьей волны») означает позитивные изменения практически во всех сферах — особенно в экономике и социуме. Через довольно ощутимый промежуток времени Р. Флорида взял на себя смелость определить переход в содержании труда как формирование «креативного класса» [4], но при этом в значительной мере смешал «третью волну» (по Тоффлеру) с «первой волной», тем самым сильно преувеличив позитивный характер изменений в содержании труда, что значительно понизило научную ценность его выводов и сделало его книгу [4] яркой публицистической, но, к сожалению, слабой в прогностическом плане.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Павлов М.Ю. О методологических аспектах определения «креативного класса» на основе содержания труда // *Философия хозяйства*. 2021. № 3. С. 65—73.

В чем же проблема? Ключ к ответу на этот вопрос дает ряд отечественных исследователей, в основном принадлежащих к научной школе постсоветского критического марксизма; особенно можно выделить выводы А.В. Бузгалина и А.И. Колганова: труд в современной сфере услуг не является более сложным трудом, нежели в сфере индустриального производства [2, 66, 743].

Рассмотрим такой пример из сферы услуг, как труд кассира. В индустриальную эпоху торговля осуществлялась следующим образом: продавец не делал ценники на товары, а держал все цены в уме. Покупателю в зависимости от ряда факторов — платежеспособности, лояльности (постоянно ли покупает), редкости и свежести товара, количества товара на складе, наличия конкурентов, общего объема покупки — называлась изначально завышенная цена, а дальше шел торг. При этом продавец держал в уме минимальную цену (учитывая цену закупки плюс наценку на содержание магазина), за которую он мог продать. Нередко продажа шла в долг, а поскольку существовал риск невозврата, да и кредит подразумевал процент за пользование чужими средствами, для такой продажи цены должны были быть выше. Таким образом, каждый продавец решал в уме сложное уравнение, причем нередко — с множеством неизвестных. Помимо математических способностей, требовалась еще и квалификация психолога и маркетолога. И даже социолога — когда в магазине находились одновременно несколько покупателей.

Поскольку в данной статье не рассматривается история торговли, минуем промежуточные этапы и перейдем к состоянию магазинов на рубеже XIX—XX вв. Подчиняясь естественной тенденции к концентрации, магазины становились крупнее, а ассортимент в них — разнообразнее. Для регистрации торговых операций и повышения эффективности на основе разделения труда отдельно выделилась профессия кассира. Первоначально кассир должен был обладать весьма высокой квалификацией: помнить цены на множество товаров, правильно определять, что именно хочет покупатель (поскольку покупатель мог произнести искаженное название товара, назвать его совершенно иначе, чем на ценнике, да и вообще ошибиться), примерно представлять остаток товаров в магазине, и даже в случае наличия кассы, способной автоматически просуммировать покупки, перемножать в уме одинаковые покупки и правильно отсчитывать сдачу. И если, к примеру, в США отсчитать сдачу было не так сложно, то в Англии и царской России с их нестандартными денежными системами (а также фунтами, пудами, золотниками, пинтами, галлонами и другими неметрическими единицами), а в Англии еще и со счетом товара на дюжины — 12 и grosses — 144 шт, типичная арифметическая задача — какова общая сумма покупки и сколько надо отсчитать сдачи — превращалась в совсем не простую задачу.

Труд кассира с появлением все новых кассовых устройств постепенно эволюционировал в сторону упрощения (все больше функций передавалось кассовым устройствам) и в начале XXI в. стал совсем примитивным, — уже не надо было помнить цены (кое-где кассирам остались лишь цены на развесные товары и выпечку, да и те легко идентифицировать по цветным картинкам), а надо было лишь найти картинку (для 99,9% кассиров в мире штрих-код — всего лишь картинка, а не источник информации о товаре), совместить эту картинку с другой картинкой (сеткой лазерного сканера). А кассовый аппарат все сам подсчитывал, автоматически определяя и сколько нужно дать сдачи. По мере внедрения электронных методов расчета с покупателями задачи кассира еще больше упрощаются, теперь даже не надо проверять деньги на подлинность, считать деньги, которые дал покупатель и отсчитывать сдачу. Труд кассира все больше примитивизируется. На долю кассира осталось существенно меньше операций, да и эти операции упростились и стали, по сути, конвейерными (лента кассы и есть конвейер).

Если пристальнее посмотреть на другие отрасли «сферы услуг», можно увидеть, что и там труд не вполне очевидно, но тоже примитивизируется. Например, труд шофера 80 лет назад строился таким образом: перед началом движения в зимнее время надо было налить воды в радиатор, взять «кривой стартер» (заводную рукоятку) и завести мотор, прогреть мотор, постепенно утапливая кнопку дроссельной заслонки («подсос»). Чтобы стекла не запотевали, надо было их приоткрывать, но поскольку «печки» (отопители салона) тогда не ставились, надо было заранее подготовиться — тепло одеться. От обледенения стекла натирали солью. Усилителей руля и тормозов тогда не было, поэтому управление автомобилем требовало изрядных физических усилий. Тормоза были не очень эффективными и сильно уступали современным, поэтому при тех же ограничениях скорости в городе и за городом приходилось намного более тщательно рассчитывать остановочный путь. Поскольку не было

АБС, резкое торможение вынужденно превращалось в искусство, чтобы не допустить занос и разворот автомобиля. Станций техобслуживания тогда не было, а автомобили надо было обслуживать намного чаще — менять масло, шприцевать, поэтому водители, как правило, хорошо разбирались в устройстве автомобиля, умели его обслуживать и выполнять мелкий ремонт своими силами. Пунктов шиномонтажа тогда тоже не было, поэтому многие водители умели сами перебортировать колеса. Переключение передач надо было делать с двойным выжимом сцепления и перегазовкой. При этом нельзя было переключать передачи в ряде мест, например, на железнодорожных переездах, чтобы двигатель не заглох.

Таким образом, водители, как правило, становились одновременно и хорошими механиками. Они приобретали квалификацию не только оператора, но и часть квалификаций инженера. Современный же водитель может вообще не обслуживать автомобиль, даже не заливать бензин самостоятельно. Да, возросшая мощность двигателей позволяет быстрее набирать скорость, однако в целом современный автомобиль «прощает» намного большее число ошибок, не требуя ни особой предусмотрительности, ни детального знания алгоритмов работы автомобиля. Появление компьютерных систем, казалось бы, должно было повысить требования к квалификации водителей, но компьютерные системы «научились» выводить информацию в виде примитивных картинок, навигационная система способна распознавать голос, не требуя даже умения печатать текст, да и в целом интерфейс электроники в современном автомобиле больше используется для доступа к развлечениям, не требуя ни особых знаний, ни особых умений.

В итоге нельзя сказать, что содержание труда трансформировалось таким образом, чтобы труд однозначно стал более квалифицированным. Напротив, в сфере услуг труд во многом сильно примитивизировался, особенно в связи с передачей многих сложных функций компьютерам и информационным сетям.

А каково же положение дел с творческой компонентой труда? В книге «Креативный класс» Р. Флорида [4] приводит довольно впечатляющую статистику по якобы творческим профессиям. Но приводит с большой натяжкой. Ему приходится делать много оговорок. Профессия парикмахера, как он справедливо замечает, привлекает выпускников учебных заведений не только в силу ее более «творческого» характера, а в силу большей свободы и т. п. — в сравнении с работой оператора токарно-револьверного станка. Это сравнение не очень удачное. Профессия парикмахера — одна из самых древних. Достаточно посмотреть на сложные пышные прически знатных дам на картинах в музее, чтобы понять: раньше парикмахеры тоже умели творить, тратя, в отличие от динамичной современности, долгие часы на столь пышные прически, придумывая целые системы подпорок, составляющих каркас, самостоятельно изготавливая косметические средства и многое другое. Эту профессию, согласно делению того же Тоффлера, уместно отнести к «первой волне», но никак не к «третьей волне».

Странно и то, что у Дж. Хокинса, на которого ссылается Р. Флорида [4, 62], в креативный класс попали... ремесла. Вообще, почему-то в креативном классе оказались, наряду с учеными и инженерами, представили профессий ручного труда, причем иногда, как в случае с ремесленниками, существовавших на протяжении многих сотен и тысяч лет. Это самая настоящая «первая волна», но никак не «третья».

Интересно взять для сравнения труд того же земледельца (принадлежащего к «первой волне») и проанализировать его по тем же критериям, по которым Флорида характеризует труд парикмахера, сравнивая его с трудом оператора станка.

- «Условия более гибкие» [4, 104]. Странно, но у земледельца, если, конечно, он не был рабом на плантации, условия тоже были гибкими (в сравнении с оператором станка), ничуть не менее гибкими, чем у парикмахера. Он мог выйти в поле раньше или позже, договориться о замене с многочисленными членами семьи, с соседями, с общиной.
- «Работа более чистая» [4, 104]. Труд земледельца, возможно, был и более грязным, но... не в душном помещении, а на свежем, незагазованном воздухе, насыщенном множеством ароматов, на солнце.
- Рабочему надо «стараться выполнить норму и уложиться в график, пока начальники заглядывают тебе через плечо» [4, 104]. Земледельцу никто не заглядывал через плечо! По крайней

мере, в феодальную эпоху. Надо было сработать на урожай и отдать долю хозяину земли. Вот и весь контроль. Поразительно, но Флорида противоречит самому себе, потому что программистам, как и издателям, офисным работникам ТВ и кино... начальники еще как заглядывают через плечо. Так что либо критерий выбран откровенно неудачно, либо состав креативного класса.

- «Общаешься с интересными людьми и постоянно чему-то учишься, осваиваешь новые стили» [4, 104]. Вот этот критерий стоит разобрать подробнее. «Общение с интересными людьми» у подавляющего большинства программистов, издателей, офисных и технических работников ТВ и кино как раз не поощряется и считается фактором, отвлекающим от работы и мешающим выполнению служебных обязанностей. Многих за это вообще штрафуют. Земледельцы тоже постоянно чему-то учились, поскольку разные сезонные события все время сдвигались по времени, менялись и т. п. А что касается освоения новых стилей — это вообще всегда было привилегией крайне немногочисленного слоя работников. И у земледельца здесь опять же было возможностей намного больше.

- «Ты вырабатываешь свои собственные приемы и принимаешь творческие решения, поскольку каждый клиент — это новая задача, и ты должен справиться с ней успешно» [4, 104]. Удивительно, но и для земледельца каждое растение, каждое животное было новой задачей. А задачи успешно надо решать и рабочему, и парикмахеру.

- «Хорошие результаты видно сразу: люди лучше выглядят, они довольны» [4, 104]. У работника аграрного сектора после его работы нередко и растения, и животные выглядели лучше. А животные еще и могли явно выражать удовольствие. И разве рабочий не видит непосредственные результаты своего труда? Да, можно сказать, что парикмахер определяет весь процесс стрижки и формирования прически, но вот разве работники индустрий программного обеспечения, издательского дела, ТВ и радио, кино, видеоигр определяют весь процесс?

- «Имея настоящий талант, можно открыть свой собственный салон» [4, 104]. И это тоже не показатель. Поскольку очень-очень многие работники все тех же индустрий (см. на абзац выше — от издательского дела до программного обеспечения) не определяют весь процесс. А значит, у них нет достаточной компетентности, чтобы открывать свои собственные салоны.

Так в чем же изменение «природы труда», на котором настаивает Р. Флорида? [4, 104]. Еще интереснее, когда Флорида на одной и той же странице приводит прямо противоречащие данные разных исследователей о структуре рабочей силы: так, сначала он ссылается на С. Барли [4, 90] — «доля рабочих и сельскохозяйственных профессий резко упала», а затем сразу же, без комментария, данные С. Бринта об «экономике, основанной на науке и знаниях», к которой среди прочего относится «сельское хозяйство».

Выделим главное направление нашей критики выводов Флориды: как таковая творческая деятельность несколько не тождественна тому, что сегодня обозначается словом «крафт»: «крафт-лейбор», «крафт-продакт» и т. д., идущие от ремесленного и ручного труда.

Действительно, ручной труд в доиндустриальной эпохе содержал элементы творчества, но, во-первых, эти элементы сильно преувеличены в настоящее время, в большинстве случаев ремесленник воспроизводил стандартный канон, оставаясь в строго очерченных рамках, не «раздвигая границы» (что и должна осуществлять подлинно творческая деятельность, раздвигая границы известного человечеству мира и делая его больше).

Как же определить креативный труд? Это тема отдельной статьи, а представленный текст претендует лишь на критику модного ныне определения «креативного класса», акцентируя внимание на том, что отождествлять с ремеслом, «крафтом», «первой волной» креативный труд нельзя. Такой способ определения является тупиковым.

Креативный труд не должен отождествляться с какой-либо сферой, индустрией или чем-то еще стандартизованным [3], на самом деле представляющим собой индустриальное общество, «вторую волну» (по Э. Тоффлеру). Приоритетно даже не само содержание труда, а его социально-экономическая форма, роль в экономике и социуме.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1998.

2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал: В 2 т. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015.

3. Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 120—130.

4. Тoffлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010.

5. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2005.

References

1. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. М.: Academia, 1998.

2. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Global'nyj kapital: V 2 t. Т. 2. Teoriya: Global'naya gegemoniya kapitala i ee predely («Kapital» re-loaded). Izd. 3-e, ispr. i sushch. dop. М.: LENAND, 2015.

3. Kolganov A.I., Buzgalin A.V. Reindustrializaciya kak nostal'giya? Polemicheskie zametki o celevyh akcentah al'ternativnoj social'no-ekonomicheskoy strategii // Sociologicheskie issledovaniya. 2014. № 3. S. 120—130.

4. Toffler E. Tret'ya volna. М.: AST, 2010.

5. Florida R. Kreativnyj klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee. М.: Klassika-XXI, 2005.